

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ МИФА

Р.А. Счастливец

Аннотация. В статье анализируется процесс становления неомифологической идеологии в интеллектуально-философской среде середины XX века на примере «Мифологий» Ролана Барта. Отмечается, что мифология трактуется автором, с одной стороны, в духе традиции французской социально-политической мысли того времени как социальные представления. С другой стороны, исследования Ролана Барта середины 50-х годов XX века явно испытывают влияние неомарксистских доктрин этого периода. Последнее отражается в остросоциальной критике мелкой буржуазии, которая является одновременно творцом, потребителем и персонажем «мифологий». В статье указывается, что Ролан Барт практически отождествляет мифологию и обыденное сознание. Повседневность и миф обладают одним и тем же свойством медиальности, т. е. растворения объекта и субъекта в среде. В данном случае мы имеем дело со знаково-образной средой культуры, точнее, массовой культуры. Объект оказывается коррелятивен субъекту. Среда (окружающая среда, природа) может быть объектом активности субъекта только частично, в том числе потому, что субъект является частью среды.

Ключевые слова: мифология, культура, повседневность, буржуазия, неомарксизм, социальные представления, медиальность.

Для цитирования: Счастливец Р.А. Скромное обаяние мифа // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Часть 2. С. 281–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-281-287

THE HUMBLE CHARM OF MYTHS

R.A. Schastliltsev

281

Abstract. The article analyzes the process of forming a neo-mythological ideology in the intellectual and philosophical environment of the mid-20th century on the example of “Mythologies” by Roland Barthes. It is noted that mythology is interpreted by the author, on the one hand, as social representations following the tradition of French socio-political thought of the time. On the other hand, Roland Barthes’ studies of the mid-1950s are clearly influenced by the neo-Marxist doctrines of that period. The latter is reflected in the sharp social criticism of the petty bourgeoisie, which is simultaneously the creator, the consumer and the character of “mythologies”. The article points out that Roland Barthes practically equates mythology and everyday consciousness. Everyday life and myth share the same property of mediality that is, blending of the object and the subject into the environment. In this case, we are dealing with the sign-image medium of culture, or, to be more precise, mass culture. The object is correlated with the subject. The medium (environment, nature) can be the object of the subject’s activity only partially, also because the subject is a part of that medium.

© Счастливец Р.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *mythology, culture, everyday life, bourgeoisie, neo-Marxism, social ideas, mediality.*

Cite as: Schastlivtsev R.A. The Humble Charm of Myths. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 281–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-281-287

В середине 50-х годов прошлого века Ролан Барт публикует серию статей, вышедших чуть позже под общим названием «Мифологии». Так было положено начало неомифологической революции в современной культуре.

Интерес к мифу обостряется еще в XIX веке. Если эпоха Просвещения считала миф выдумкой и заблуждением, то появление фольклористики, философии мифа Ф. Шеллинга открывает новые перспективы в его исследовании. Собрать и даже сочинять фольклор (П. Мериме) становится модным. Параллельно Э. Дюркгейм основывает французскую школу социологии как анализ социальных представлений. Совокупность последних Р. Барт и называет мифологией, причем даже во множественном числе — мифологиями. Очевидно, что он использует этот термин не вполне традиционно.

«Мифологией» обычно называют определенное мировоззрение. Это означает, что носитель данного сознания полагает, что мир устроен именно так, как описывает мир его сознание. Мифология представляла собой идеальный баланс двух установок: естественной и феноменологической. С точки зрения естественной (реалистической, материалистической) установки, мир так, как он дается в сознании, существует независимо от сознания. Феноменологическая установка учитывает тот факт, что мир (картина мира) дается нам именно через сознание. И тут возможны варианты. Например, можно сказать, что сознание дает нам истинный образ мира, и тогда это будет феноменология Э. Гуссерля. Но можно и не

«верить на слово сознанию» (в широком смысле понимая под ним всю ментальную сферу), рассматривая последнее, скорее, не как посредника или проводника, а как препятствие, границу между нами и миром, абсолютно замыкающую в себе когнитивную сферу. И тогда это будет субъективизм, скептицизм, релятивизм вплоть до солипсизма. Самой распространенной является средняя позиция: сознание в целом верно дает картину мира, но в силу своего несовершенства знание остается вероятностным, относительным. То есть феноменологическая установка трактует явления как смесь сознания и мира, но в какой пропорции смешаны «ингредиенты», зависит от позиции мыслителя. Миф представляет собой смесь естественной и сверхъестественной установки. При этом обе эти установки крайне плохо различаются, что позволяет сближать мифологию с обыденным сознанием. По сути, Р. Барт их практически отождествляет, возвышая тем самым повседневное мировоззрение до высот мифологии. Повседневность и миф обладают свойством медиальности, т. е. растворения объекта и субъекта в среде. В данном случае мы имеем дело со знаково-образной средой культуры, точнее, массовой культуры. Объект оказывается коррелятивен субъекту. Среда (окружающая среда, природа) может быть объектом активности субъекта только частично, в том числе потому, что субъект является частью среды. И в этом смысле он является объектом.

Естественные аналогии возникают уже в обыденном сознании, мифологии и

языке. Метафорическая природа языка заставляет переносить принципы внешнего материального опыта на опыт внутренний, духовный. Например, дао, путь, сущность вселенной превращается в жизненный путь индивида и поиск себя, природные необходимости преобразуются в законы человеческой судьбы. Душа рассматривается как объект, на который можно воздействовать, даже экспериментировать (в психологии).

Главным героем, субъектом и объектом бартовских мифологий является буржуа, точнее, мелкий буржуа, обыватель [1, с. 37]. Как Р. Барт связывает мифологию и буржуазию? И почему его интересует именно мелкий буржуа? К моменту формирования буржуазии как класса в новое время мифология как целостное мировоззрение уже прекратила свое существование. Не выдерживая даже намека на рациональную критику (а разум всегда хоть минимально, но критичен), миф распадается на более естественные и специальные составляющие: религию, науку, искусство, идеологию и обыденное сознание. Он превращается в сказку, фольклор. Либерально-просвещенческая революция нового времени, разрушив сословно-традиционную идеологию средневековья, как всякая революция, породила свою. Любая революция, как и любое насилие, тоталитарна по своей природе. Насильственно установленный порядок не только радикально отрицает остальные типы порядка, но и жестко устанавливает свою уникальность и безальтернативность. Революционная идеология есть в значительной степени мировоззрение. А каждое мировоззрение необходимо содержит элементы мифологии как своей исходной родовой формы, как форму своей изначальной целостности, взаимной целостности субъекта и объекта, человека и мира.

Буржуазные революции нового времени в значительной мере были революциями либерально-просвещенческими. С одной стороны, они основывались на идее всеобщего формально-юридического равенства прав личности вне зависимости от сословной принадлежности, личности свободной и социально-активной, прежде всего, в экономической сфере (т. е. предпринимателя-буржуа), опосредованно социально-активной в сфере политики через своих представителей в парламенте и через свободные средства массовой информации. С другой стороны, революции нового времени основывались на идеях Просвещения: высшей ценности разума и самоценности человеческого существа, стремящегося (принуждаемого природой самого, т. е. своего собственного разума) к совершенству [2, с. 18]. Именно этот идейный сплав либерально-личностного равенства и высшей, почти совершенной рациональности и дает в итоге тип мелкого буржуа. Это человек, наделенный всеми правами и свободами, живущий в лучшем из возможных миров (по Г. Лейбницу), существование которого обосновано принципами абсолютной рациональности. Такая идейная конструкция уже выходит за рамки просто идеологии. Мелкий буржуа уверен, что его либерально-рационализированные представления дают ему самую объективную реальность, покоящуюся на фундаменте высшей рациональности. При этом мелкий буржуа остается анонимом, растворяясь в медиальности массового общества потребления [1, с. 103]. Это уже мировоззрение с явным оттенком мифологии. Этот оттенок отчасти придается «мелкостью» буржуа.

Почему же у Р. Барта буржуа именно «мелкий»? Конечно, здесь присутствует и уничижительный смысл, подчеркивающий ничтожность и обезличенность,

безыдейность, массовость, а значит, использование (потребление) наиболее простых мыслительных конструкций, всегда проходящих по разделу мифологии. Заметим, что здесь (и не только здесь) Р. Барт парадоксально выступает с позиций того самого Просвещения, породившего, пусть и косвенно, тип мелкого буржуа. Само название «Мифологии» уже говорит о некой этнографической позиции исследователя, наблюдающего с высоты своей цивилизации за живущими в мифе примитивными дикарями.

Интересно, что мелкий буржуа — любимый персонаж К. Маркса и марксистов, близость к которым ощущал Р. Барт. Даже представителей других социалистических партий большевики (коммунисты) обычно называли «мелкобуржуазными революционерами». Это не тот социально-монструозный тип, «чувствующий 300 процентов прибыли» и поэтому способный на любое преступление. Беда его в том, что у него имеется какая-никакая собственность, вследствие чего, как ни странно, он не может действовать полноценно свободно, т. е. революционно.

Р. Барт показывает, как история, эта жизненная сила реальности, выкачиваемая из языка формой мифа (его означаемым), полностью поглощает «Я» означаемым (концептом, нестойким, неоформившимся, туманным конденсатом представлений) [там же, с. 102]. Миф ничего не скрывает, он деформирует, отчуждает, похищает язык. Миф представляет собой вечное алиби, его формы всегда уже нет на месте «преступления». В момент, когда мы пытаемся его изобличить, на его месте оказывается исходный языковой смысл. Причем буквальным языковым смыслом скрывает, заслоняет собой форму, постоянно спасая ее от «правосудия» исследователя. «На поверхности мифического высказывания не происходит более

никаких движений, используемое значение прячется за фактом... Весь миф есть похищенное и возвращенное слово» [там же, с. 99]. Но мифическое слово возвращается уже неуловимо измененным: «...возвращенное слово оказывается не тем, которое было похищено. При возвращении его не помещают точно на прежнее место. Эта мелкая кража, момент надувательства и составляют застывшую сторону мифического слова» [там же]. К несчастью для автора, весь естественный язык оказывается мифологичен (денотативен). Мало того, денотативно-фигуративное «мошенничество» мифа представляется одним из основных механизмов действия культуры вообще, от мифа, скорее всего, и унаследованным. Получается, что Р. Барт, как носитель и активный пользователь языка, тоже соучаствует в «преступлении» мифа, причем действует сознательно, заранее спланированно, пытаясь скрыть следы своего деяния, громогласно обличая преступника, поступает как профессиональный мошенник, пытаясь скрыть свое «преступление» за этим обличением.

Миф, с точки зрения Р. Барта, предпочитает пользоваться бедными неполными образами, плохими неполноценными произведениями (шедевры, по Р. Барту, недоступны мифологизации) массовой культуры, средств массовой информации, т. е. из вселенной мелкого буржуа. Избранные же творцы, особенно ценители настоящего (!) искусства, к которым, несомненно, Р. Барт причисляет и себя, в отличие от последнего никогда не опустятся до мифа. Различая творцов, разоблачителей (мифологов) и потребителей мифа, Р. Барт относит себя, разумеется, ко вторым (первые циничны, третьи недостаточно интеллектуальны), забывая о том, что любой носитель языка отыгрывает все три роли. Любой писатель

(включая, конечно, Р. Барта), будь то гений или графоман, обязательно является мифотворцем, потребляя хотя бы мифологию созданной им вселенной.

Миф, по мнению Р. Барта, постоянно скрываясь, оказывает побудительное, императивное и одновременно суггестивное воздействие [там же, с. 96]. Его агрессивное действие лично ориентированно, направлено именно на меня. Действуя скрытно, прикрываясь естественным языком, он стремится проникнуть внутрь меня и, став мной, заставить меня думать и действовать так, как хочет он, уверяя, что действую именно я в самой настоящей объективной действительности, представляющей собой мифологическую конструкцию. Конструкция эта не является плоской декорацией, ткнув которую пальцем, можно прорваться в «истинную реальность». Мифологическая действительность тщательно создается мной под чутким руководством мифа, ставшего мной. В ней удобно и даже приятно жить, выйти за ее пределы крайне сложно, но все-таки прорвавшись, я, скорее всего, окажусь во вселенной «соседнего мифа».

Р. Барт обнаруживает тот самый парадокс изучения мифа (впрочем, как и любой ментально-мировоззренческой конструкции), отмеченный А.Ф. Лосевым: критический анализ мифа, как и «циничное» мифотворчество для нужд идеологии, полностью его уничтожает, и мы имеем дело уже с чем угодно, только не с ним [3, с. 28]. Миф существует только в его «наивном» нерелексивном потреблении [1, с. 107]. Минимальная рефлексия убивает миф сразу и навсегда.

Для потребителя миф выступает всегда в натурализованной форме [там же, с. 109]. Этому его учит язык. Потребляют не знаки, а вещи. В данном случае миф выступает не как семиотическая система, а как система фактов и даже вещей [4].

Именно из смешения вещей и знаков возникает общество потребления, в котором под видом вещей потребляют их знаки и образы (симулякры, знак, ставший мифом). Из потребления мифа необходимо следует миф потребления. Похищаемый язык, по мнению Р. Барта, становится добычей мифа, который осуществляет агрессию формы. Здесь он стремится к нулевой степени смысла, нулевой степени письма [5], сопротивляясь мифу. Язык сопротивляется мифу, но в нем есть локации, родственные мифу, лакуны, в которые он легко проникает. Это, прежде всего, относится к экспрессивности, выразительности языка, коренящейся в самой языковой структуре: повелительном и сослагательном наклонении. Первое родственно самой манипулятивной интенции мифа, второе, самое загадочное, вводит потребителя мифа прямо в виртуальный мифологический универсум. Вторая причина мифологической доступности языка, по Р. Барту, коренится в самой природе естественного языкового смысла [1, с. 108]. Язык нам представляется постоянно действующей псевдо-органической средой. Смысл в зависимости от ситуации то концентрируется в опорных семантических точках, то распределяется по всему семантическому полю. В целом естественно-языковой смысл довольно разрежен: Р. Барт говорит в связи с этим о виртуальном ореоле, интерпретативной ажурности смысла. Удачно сопротивляющийся, неприступный в своей чистоте язык, например, математики, похищается целиком и образуется миф «математичности» [там же, с. 109]. Перед нами преступник, насильник, проникающий и похищающий либо обманом, либо силой, принуждающий к противоестественному сожигательству и извращающий язык, жертву обмана и насилия, безуспешно стремящуюся сохранить свою чистоту.

Миф (по Р. Барту) — это умирающий язык, но не желающий умирать. «Из смыслов, которыми он питается, он извлекает ложное деградированное бытие, он искусственно отсрочивает смерть смыслов и располагает в них со всеми удобствами, превращая их в говорящие трупы» [там же].

Наряду с математикой, еще одна форма языка оказывает наиболее активное сопротивление мифу. Поэзия (точнее, современная Р. Барту модернистская поэзия) не строит формальных фортификаций, защищающих от проникновения мифа. Она тоже тяготеет к абстракции, но здесь снова проявляются позиции раннего Р. Барта-критика, который пока еще верит во внеязыковую смысл вещей [там же, с. 110]. Вера эта восходит к идейной ситуации конца XIX – начала XX вв., характеризующейся активным процессом переосмысления и модернизации классического философского наследия. К концептуальным явлениям, породившим эту ситуацию, можно отнести, например, неэссенциалистский антипсихологизм Э. Гуссерля. От Гуссерля тянется идейная нить к экзистенциалистскому неонтологизму М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Именно благодаря Ж.-П. Сартру французские интеллектуалы «обживают» проблематику «смысла самих вещей», восходящую к феноменологии Э. Гуссерля. «Если миф стремится к созданию ультра-значений, к расширению первичной системы, то поэзия, наоборот, пытается отыскать инфра-значения в досемиологическом состоянии языка, то есть она стремится трансформировать знак обратно в смысл. В конечном счете, идеал поэзии — докопаться не до смысла слов, а до смысла самих вещей. ...Поэтический знак пытается выявить весь потенциал означаемого в надежде добраться, наконец, до того, что можно назвать трансцендентальным

свойством вещи, ее естественным (не человеческим) смыслом. Отсюда эссенциалистские амбиции поэзии, ее уверенность в том, что только она может уловить смысл вещи самой по себе» [там же, с. 111]. Особая роль поэзии, обладающей уникальной способностью проникать в сокровенные смысл, сущность самих вещей, активно отмечалась М. Хайдеггером в рамках его онтологической концепции. Однако подобный взгляд на поэзию восходит к собственно мифологическому мировоззрению. Таким образом, Р. Барт использует несколько модернизированное, но вполне традиционно-классическое мифологическое представление об особой сакральной роли поэта-сказителя, исполняющего, в сущности, изначально священническо-пророческие функции, например, оглашения космогонического мифа в обряде сакрально-символического восстановления мирового порядка. При этом подобная сакрально-поэтическая деятельность подразумевает исключительную богоизбранность и постоянную творчески-энергетическую связь с божеством, эксклюзивно владеющим креативной функцией. В понимании Р. Барта современная поэзия, хоть и претендующая на прорыв к трансцендентному смыслу самих вещей, все-таки не в состоянии его достичь, что выражается, в том числе, и в том поражении, которое она терпит от мифа, оказывая ему, правда, перед этим долгое ожесточенное сопротивление. Несомненно, более подходящая кандидатура для сакрально-творческой богоизбранности для Р. Барта — это критически мыслящий лево-радикальный интеллектуал-публицист. Нетрудно догадаться, что сам Р. Барт относит себя к таким кандидатам.

Все это произрастало на традиционно-сциентистской почве французской позитивистской социологической школы, «сдобренной» традиционно-французским

лингвистическим структурализмом, «правленной» неомарксизмом и французской лево-радикальной литературной критикой и публицистикой. Хотя итог (по Р. Барту) в обоих случаях одинаков: мифологическая энергия захвата прямо пропорциональна энергии сопротивления его агрессии. Миф не просто питается этой

энергией сопротивления, он тождественен ей: «миф всегда означает не что иное, как сопротивление, которое ему оказывается». Можно попытаться избавиться от мифа молчанием. Но молчание не означает отказ от языка. Молчание как раз может иметь много значений (он многозначительно молчал), а где есть значение, там есть и миф.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт, Р.* Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
2. *Зенкин, С.Н.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. С. 3–25.
3. *Лосев, А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
4. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
5. *Барт, Р.* Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 431 с.

REFERENCES

1. Barthes R. *Mifologii* [Mythology], trans., intro. art. and comment. by S.N. Zenkin. Moscow, Akademicheskij projekt, 2008, 351 p. (in Russ.)
2. Zenkin S.N. Roland Bart — teoretik i praktik mifologii [Roland Barth — theorist and practitioner of mythology]. In: Bart R. *Mifologii* [Mythology], trans., intro. art. and comment. by S.N. Zenkin, Moscow, Akademicheskij projekt, 2008, pp. 3–25. (in Russ.)
3. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow, Mysl, 2001, 558 p. (in Russian)
4. Baudrillard J. *Sistema veshhej* [The System of Objects]. Moscow, Rudomino, 2001, 224 p. (in Russ.)
5. Barthes R. *Nulevaja stepen pisma* [Writing Degree Zero]. Moscow, Akademicheskij projekt, 2008, 431 p. (in Russ.)

Счастливец Роман Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ra.schastlivtsev@mpgu.su

Roman A. Schastlivtsev, PhD in Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, ra.schastlivtsev@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 17.08.2021. Принята к публикации 26.08.2021

The paper was submitted 17.08.2021. Accepted for publication 26.08.2021